

УДК 1(091)

Виликотская Л.А., канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных наук СТИ МИСиС

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА (реконструкция антропологии Н.Н.СТРАХОВА)

В статье анализируются взгляды оригинального русского мыслителя XIX века, уроженца г. Белгорода – Н.Н. Страхова (1828-1896) по вопросам развития человека, роли образования и воспитания в этом процессе.

На рубеже третьего тысячелетия христианской истории человечество оказалось на грани выживания. Не признавать это сегодня невозможно. Люди очерствели, разучились слушать и понимать друга. Особенно очевидным последнее столетие сделало зловещий смысл одностороннего и эгоцентричного образования. В поисках выхода из духовного кризиса имеет смысл внимательно вчитаться в тексты и задуматься над идеями отечественных философов XIX века.

Здесь стоит напомнить, что в 50–70-ые годы XIX века на страницах Российской центральной периодической печати развернулась острая полемика по вопросам образования народа, в частности, соотношения общего и профессионального обучения. Эта полемика показала место и значение проблем образования в системе общественных ценностей, понимание необходимости распространения общей грамотности для успешного развития профессиональной школы, а также сформировала принципы развития школы в России в пореформенные годы. В ней приняли участие и учёные, и предприниматели. В их числе – Е.Н. Андреев, И.К. Бабст, А.С. Ершов, Н.И. Пирогов, Ф.В. Чижев, и др. Учёный, предприниматель, финансист – А.И. Чупров в статье «Каким путём должно идти образование низших слоёв общества» писал: «О необходимости образования нет уже спору... теперь спорят о том, какое образование должно давать народу и каким путём вво-

дить образование в народную среду... вопрос идёт о том, вести ли народное обучение путём практическим или путём, усвоившим себе название гуманитарного общечеловеческого» [1, 241]. Н.Н. Страхов, как человек чуткий ко всему значительному в жизни и в области культуры, также не остался в стороне: вопросам образования народа он посвятил главу своей работы «О методе естественных наук и значении их в общем образовании». Прежде всего, выделим тот факт, что в статье прослеживается связь образования человека с его воспитанием и умственным развитием. Для философа (и для нас), эти процессы неразрывны. Страхов настаивает: **в каждый период своей жизни человек должен учиться, размышлять и воспитываться** (здесь и далее выделение шрифта наше – Л.В.). Учение и образование не могут и не должны ограничиваться школою. Права народная мудрость, утверждая: век живи и век учись. Поэтому и годы учения не составляют простого приготовления к жизни, а суть часть самой жизни.

Что такое общее образование? Какие области знания оно должно включать в себя? На первый вопрос русский философ отвечает, оставаясь верным своему стилю мышления – ясному и чёткому – общее образование – это для всех годное и желательное. Вполне образованным может считаться тот человек, который «имеет обширный и возможно полный взгляд на мир».

Наша мысль склонна к законченным и неподвижным формам понятий, поэтому мы хотим и образованного человека подвести под вполне отчётливые черты. Но ведь человек есть существо развивающееся, а значит, подвижное, изменчивое, неподходящее под твёрдые формы. Неправы те, кто полагает воспитание приготовлением к известному состоянию человека. При этом не нужно забывать о другом важном выводе Страхова: **воспитание представляет собой начало правильного развития.**

Иметь решительно все познания никому не нужно, полагает Страхов. Здесь прослеживаются преемственные, идейные связи с предшествующей философией. Еще Локк писал: «Наша задача знать не все, а то, что важно для нашего поведения». С французских просветителей предметом философии является «видимый мир», природа, окружающая человека, вошла в предмет философии. Желание человека «переступить границы своей сферы», попытаться «проникнуть за пределы видимого мира» уже Гольбах объявил несчастием. В самом деле, утверждает Страхов, если бы ум представлял только способность поглощать одно знание за другим, он вовсе не был бы центральной и сосредоточивающей силой человека. Вместе с тем, человеческий ум и ограничен, по сравнению, например, с жизнью. Вот почему, какое понятие мы бы ни взяли, ни одно из них не содержит полноту всех определений, принадлежащих вещи. Позднее, философы «жизни» ещё решительнее противопоставят способности ума и сложность, динамичность всего происходящего в мире. Реальность, по мнению Бергсона, не является чем-то законченным. Она есть «непрерывное становление». А наш интеллект, занятый, прежде всего, нуждами действия, ограничивается тем, что время от времени делает мгновенные и, следовательно, «неподвижные снимки становления материи. Сознание, следуя, в свою очередь, за интеллектом, рассматривает внутреннюю жизнь как нечто уже созданное и только смутно чувствует, как она создаётся... из становления мы замечаем только состояния, из длительности только моменты», тем самым

мы впадаем в иллюзию, полагая, что возможно мыслить непостоянное при посредстве постоянного, подвижное при посредстве неподвижного [2, 265]. Страхов, по сути, предвосхищает в этом смысле «философию жизни».

Осмысливая значение различных областей знания в образовании общественном и личном, русский философ особое место отводил математике и языкам (в особенности, греческому и латинскому) Почему? Среди множества предметов обучения эти выделяются в качестве образцовых, ближе всего подходящих к цели общего образования. Путь познания математики один и тот же и для царей, и для простых смертных. Она постигается через самостоятельную умственную деятельность, допускает упражнения, а не простое восприятие и запоминание. Ведь известно, что всякие силы крепнут и развиваются только вследствие деятельности. Мир человека, продолжает философ, двоякий – внутренний и внешний. Упражнение в языках есть упражнение в формах внутреннего мира, а математика занимается формами внешнего мира. Кто изучил какую-нибудь часть математики, обладает доброкачественным знанием и умением и может смело идти вперёд. Страхов солидарен с Кантом в оценке математики как образца наук, гордости человеческого ума. Грамматика же чужого языка есть анализ его форм, одинаково необходимый и для взрослого, и для ребёнка. Эти преимущества принадлежат также и естественным наукам. Если при изучении математики и языков мысль спать не может, то история, география и литература в общем образовании подвергаются нередко всяческому искажениям. В результате ученики не выносят из обучения ни правильные исторические взгляды, ни верные картины современной жизни, ни понимания литературных произведений.

Для всестороннего умственного развития человека, по словам Страхова, необходимо обратиться и к наукам естественным, поскольку в них господствует полная объективность. К тому же они обладают простой методикой. Учёные в этой области долго жили одним наблюдением.

А этот метод состоит в способе сравнительного изучения. «Сравнивать значит находить единство или тождество между явлениями». Естественные науки отрицают всякие готовые предвзятые понятия, поэтому они противоположны догматическому настрою мышления. Метод, по которому образуются понятия естественных наук, Страхов определяет как **принцип развития**. А содержание, которое развивается в этой системе, есть не что иное, как содержание человеческой жизни. «Развитие есть главное понятие наук об организмах; все органические тела и явления могут быть понимаемы не иначе, как различные степени, формы, ... отклонения в развитии некоторой одинаковой сущности» [3, 163]. Только таким образом органическая природа получает единство и связь во всех частях. Содержание, которое таким образом развивается, имеет полное своё воплощение в человеке. Ключ к разгадке всех органических явлений, считает Страхов, надо искать в высших явлениях: они вместе с тем и существенней. Но принципиально неверно сводить органические явления к физическим и химическим. В этом смысле умственное развитие человека – наиболее органическое [3, 73]. Для изучения естественные науки не менее трудны, чем математика и языки, поскольку не допускают поверхность понимания и изложения. В них также возможны и необходимы упражнения.

В силу того, что предмет естественных наук отвлечён, как и математики, их изучение наиболее целесообразно и удобно тогда, когда человек «ещё только готовится к жизни, а правильнее сказать – живёт преимущественно отвлечённой умственной жизнью». История, география, наоборот, требуют зрелости мысли. Кто не изучал и не обдумывал истории уже в зрелом возрасте, когда сложились основные понятия, тот едва ли что-нибудь вообще в ней понимает. Математику и языки, как показывает действительность, трудно изучать в зрелом возрасте. Отмечая несовершенство отечественного университетского преподавания, Страхов сетовал на то, что хороших учителей естественных наук найти труднее, чем филологов. От тех, кто учит, естественные

науки требуют известной полноты знаний из-за своей обширности и сложности. Предмет их изучения разбросан в пространстве и растянут во времени. Знание естественных наук философ определяет как новый элемент в общем образовании человека.

Кроме того, немаловажное значение для образованного человека, с точки зрения Страхова, имеет эстетический элемент. Эстетические отношения человека к природе древнее и глубже «всяких учёных отношений». Они имеют своё законное место в истории человеческого духа. Наиболее поразительна не сама по себе красота и стройность мира, а способность человека её видеть, считает Страхов. Здесь стоит заметить, что философ высоко ценил в человеке чувство природы, эстетическое созерцание её красоты и разнообразия. Обращаясь к объектам природы, вызывающим это чувство Страхов называет узоры, которые рисует мороз на стёклах зимой, цветы – летом, а плоды осенью. Причудливость и разнообразие их форм служит объективным основанием эстетических чувств человека. Он также констатирует явное развитие этого чувства человека в истории и одну из заслуг в этом признаёт за многочисленными научно-популярными изданиями. Исходя из общего постулата: где различие, там встречается и противоречие, философ обнаруживает, что эстетическое чувство может быть заглушаемо научным понятием, и наоборот. Известны случаи, когда учёный анатом плохо понимает красоту человеческого тела; художник, его изображающий, иногда грешит против анатомии, но иногда великий художник одновременно и знаток естественных наук. Страхов многократно высказывал суждения об эстетическом значении образов природы в жизни человека. Если Некрасов, к примеру, запрещал поэту тему природы, то Страхов считал, что она не только составляет одну из лучших радостей нашей жизни, но и укрепляет нас в минуты величайшего горя. Для народа песня о море и милом друге – насущная ежедневная потребность (См. об этом подр. Виликотская Л.А. Н.Н. Страхов и П.Е. Астафьев о зна-

чении чувств в жизни человека. // Духовное возрождение: сборник научных и научно-прикладных трудов. Выпуск XVIII. – Белгород: БГТУ, 2004, с. 122–133).

Размышляя над вопросом «Чему обучать народ?» в специально посвящённой этой теме статье, появившейся в ответ на статью Л.Толстого в «Отечественных записках», Страхов затрагивает и более общие вопросы. Он утверждает, что грамотность и образование сами по себе «суть вещи безразличные». К тому же одним из требований, предъявляемых русским философом и к школьному, и к вузовскому образованию является **«истинно научный дух»** – правильное развитие мысли и точное понимание. Им также вскрываются наиболее типичные недостатки системы образования – фразёрство, поверхность умственной работы (картофель ученики называют ископаемым, а человека – растением); но ещё большим злом является воображать, что что-нибудь знаешь, тогда, как ничему не учился, как следует. Занимаясь переводом, рецензированием (по поручению Министерства Просвещения), изданием новых научных, философских и литературных работ, он неоднократно возвращался к вопросу о недостатках современного ему среднего и высшего образования в стране. Одним из пунктов критического отношения было понимание того факта, что реальное образование (и научная подготовка) не развивает, как это должно быть, а притупляет, отбивает вкус у сограждан к общефилософским вопросам. Желание знать цель, смысл жизни у простых людей, в отличие от образованных, не угасает под влиянием религиозного отношения.

Мыслитель досадовал и по поводу того, что в круге литературы для повседневного чтения так мало христианской, нравоучительной литературы. В статье «Толки о Толстом» Страхов писал: должно быть, истинный дух христианского нравоучения «...стал очень далёк от мыслей даже людей очень учёных и просвещённых» [4, 116]. Безверие, равнодушие, безнадежность, характерные для европейской цивилизации 2-ой половины XIX века, философ оценивает как один из её грехов. Человечество не должно

отказываться от Бога как истинного голоса своей души. В связи с этим он критикует современное ему отечественное образование за то, что оно далеко от христианского нравоучения. В той же статье «Толки о Толстом» читаем: мы «теперешние просвещённые люди, не только не следуем Христу, но и перестали понимать, чему он учил». Во всём мире действует дух этого учения, а вся наша жизнь построена совершенно на других началах. Во-вторых, оно учит людей прожить и во все без всякого идеала, представления о том, что должно быть, безусловно, безотнositельно. **Благополучие внешней жизни**, и личной, и общественной, **не может и не должно заменять всех духовных запросов человеческой души**. В этом утверждении он солидарен с П.Е. Астафьевым.

Вполне современно звучат слова Страхова, раскрывающие суть одного из самых распространённых стереотипов среди учителей - представления о том, что в уме учеников нет никаких понятий, что это пустая форма, которую они наполняют содержанием. Из этого заблуждения в практике образования проистекает много фальши, бестолковости и бесплодных усилий. Философ настаивает: **каждый учитель должен отказаться от своего личного авторитета просвещённого человека, а педагогика – в целом – в пользу авторитета той науки, которой он учит** [6, 1274]. На самом деле, сложность состоит в том, что даже детский ум принимает только то, что сам хочет, что для него интересно, поскольку он наполняется содержанием постоянно, с первой минуты сознания. Дети являются уже с готовыми понятиями, готовым языком. В той же статье «Обучение народа» Страхов пишет: «Ребёнок уверен, что он многого не знает, а учитель умнее, сведущее его. Эта вера только возбуждает только внимание ученика; деятельность же ума возбуждается только тогда, когда он завидел цель, когда он сам по себе, без помощи учителя чувствует в себе интерес к предмету обучения» [5, 401]. Он **развивается самостоятельно**, а мы лишь помогаем этому развитию. Как таинственно растёт и развивается его тело, так точно таинст-

венно растёт и развивается его ум. Учитель не производит этого развития и не управляет им, он только даёт ему пищу, упражняет те органы, которые уже выросли и окрепли. То, что само растёт в душе, то одно живо и сильно, нужно только следить за этим ростом и им пользоваться. В итоге Страхов заключает: не педагоги, а умственная культура народа, его потребности определяют предметы обучения. Поэтому педагогу живой такт, любовь и терпение нужны больше, чем проникновение в тайны души ученика. Практика образования XX века подтвердила: каким бы талантливым ни был педагог, без самостоятельной деятельности обучающегося результаты процесса познания будут ничтожны. Современная парадигма образования «Life time education» рассматривает человека не как сосуд, наполненный разнообразными познаниями, а как субъекта, способного отыскивать необходимую ему информацию на всех этапах жизни

Исходя из понимания процесса развития человека как самостоятельного раскрытия своей подлинной сущности, Николай Николаевич Страхов определяет роль и значение воспитательных и образовательных воздействий на него. В чём смысл воспитания и обучения? Они суть ни что иное, как помощь, которую люди взрослые оказывают людям возрастающим, чтобы дать им такое же развитие, какого успели достигнуть сами, писал философ в работе «О методе естественных наук и значении их в общем образовании». Воспитатель не может надеяться и не должен брать на себя такую задачу, как переделать душу человека, изменить её силы; нравственные и умственные силы человека, его природа составляют для педагога нечто данное, от него не зависящее. Развитие этих сил совершается само собою, помимо его усилий. В чём же состоит задача педагога? Ему «предстоит только способствовать этому развитию, оберегать его, давать ему простор и пищу, устранять препятствия, а не создавать и направлять его по свету». **Натуру человека изменить нельзя**, считал Страхов. Только для поверхностного взгляда и постороннего наблюдателя может показаться,

что человек со временем изменился в своей натуре, в существенных чертах. Но достаточно спросить отца и мать, которые знают своё дитя каждую минуту его жизни – они скажут, что он таков с трёх лет. Однако же есть область душевной жизни, в которой воспитание имеет большую силу – область умственной деятельности, «самая подвижная, самая изменчивая, и многообразная». И даже в этой области педагог может лишь укрепить данные ребёнку силы ума, не будучи в состоянии дать воспитываемому уму высшие качества, чем у него есть. Слабый ум можно обогатить, дать ему множество познаний. Здесь для педагогики открывается самое широкое поприще.

Как и другой наш земляк – П.Е. Астафьев, Страхов был убеждён: «психический строй человека имеет строгую параллельность с его физическим строем». Тело – оболочка души. А значит, различие в телесном устройстве непременно влечёт за собой различие душевных способностей. С позиций страховской гносеологии, познание любого объекта должно состоять в том, чтобы вещи были различены между собой, чтобы открыть то единственное значение вещи, которое никакой другой вещи принадлежать не может. Мудрость не в том, чтобы судить о женской натуре также как и о мужской, а в том, чтобы с величайшей тонкостью понимать своеобразные черты, как той, так и другой натуры. По мысли Страхова, знать что-нибудь, – это уметь отличать знаемую вещь от всех других.

В чём же состоит различие женской природы и мужской? В литературно-критических статьях философ признаёт: женщина «по красоте, по прелести душевной и телесной есть первое существо в мире, венец создания». Не даром же статуи языческих богинь и картины христианских мадонн представляют высочайшие выражения красоты, доступной художественному творчеству. Но чем выше идеал, тем многочисленнее и глубже возможны отклонения от него – ведьмы, фурии и другие типы. Мужчина по самому своему существу дела, указывает Страхов, никогда не может достигнуть той степени отвлечённости, до которой доходит

женщина. Благородство и прелесть женской природы присущи ей до тех пор, пока она верна своей природе. Такой ход мысли мы находим и в работах Астафьева. Однако Страхов не согласен с убеждением (высказанным и Миллем в том числе) в том, что женщины питают к мужу и детям любовь искусственную, «нарочито развитую сверх меры» и совершенно справедливо замечает: «как будто есть мера любви!». Страхов считает такие поприща, как наука, политика, экономика, по преимуществу мужскими. Ими можно заняться, если жизнь не удалась (девушка не нашла себе супруга, вдова), т.е. в таких случаях, в которых раньше уходили в монастырь. **В делах же воспитания и образования подрастающих поколений значение женщины первостепенно.** (См. об этом подр. Виликотская Л.А. Идеалы в творчестве Н.Н. Стрхова и П.Е. Астафьева // *Философия в XXI веке: Международный сборник научных трудов – Выпуск 4.* – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2005, с. 76–82).

Декларирование ведущей роли нравственности, присущей человеку изначально как духовному существу сближает Н.Н. Стрхова с другими русскими религиозными мыслителями. (См. об этом подр. в нашей статье *Нравственная природа человека (по Н.Н. Стрхову)* // *Педагогика: семья-школа-общество: Монография.* Под общей ред. проф. О.И. Кирикова. – Книга 2. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2005. – С. 174 – 179. С точки зрения В. Соловьёва, например, воспитание предполагает передачу новому поколению двойного наследия: всего положительного, что было добыто в прошедшем, и способности воспользоваться этим достоянием для приближения к высшей цели. Воспитание должно быть одновременно и традиционным, и прогрессивным. Общий принцип воспитания заключается в нерасторжимой связи поколений, поддерживающих друг

друга в прогрессивном исполнении общего дела – приготовления к явному царствию Божию и к воскресению всех. В осознании и духовном усвоении единства личной и общественной жизни Соловьёв видел решение всех вопросов человеческих отношений. Оппонируя теоретику всеединства по многим метафизическим вопросам, не разделяя его трактовки общего принципа воспитания, Страхов всё-таки не артикулировал сколько-нибудь чётко и однозначно своего понимания.

Итак, по мысли Н.Н. Стрхова, человек может развиваться, если "развивает сам себя". Воспитание и образование дают лишь возможность для этого, но сами "не производят развития".

Список литературы

1. Вестник промышленности. – 1859. – Т. I. – № 2. – С. 240–253.
2. *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; КАНОН – пресс – Ц, 2001. – 384 с.
3. *Стрхов Н.Н.* О методе естественных наук и значении их в общем образовании. – СПб., 1865. – XII. – 186 с.
4. *Стрхов Н.Н.* Толки об Л.Н. Толстом [Психологический этюд] // Вопросы философии и психологии. – 1891. – № 9. – С. 98–132.
5. *Стрхов Н.Н.* Критические статьи. – Том 1. О И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862–1885). – СПб., 1885. – X, 484 с.
6. *Стрхов Н.Н.* Обучение народа: [По поводу статьи «О народном образовании» гр. Л.Н. Толстого в «Отеч. зап». Сентябрь 1874] // *Гражданин.* – 1874. – № 50. – С. 1273–1275.